

**НОВЫЕ ГЕНЕРАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОБЪЕКТ
ИНФОРМАЦИОННОЙ КОНКУРЕНЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
СИЛ ЗА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ**

ВЛАСОВА Татьяна Евгеньевна, аспирант кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, адрес: 302028, Россия, г. Орел, б. Победы, 5а, e-mail: vlasovatat1978@mail.ru

РОДИОНОВ Игорь Михайлович, аспирант кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, адрес: 302028, Россия, г. Орел, б. Победы, 5а, e-mail: mist.rod-5@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования выступает выявление особенностей и содержания конкуренции субъектов политики за идеологические предпочтения российской молодежи. В работе обосновывается наличие перманентных трансформаций идейно-политических установок различных поколений и групп молодых поколений постсоветской России. Аргументируется, что модификация мировоззренческих принципов молодежной среды обусловлено как универсальными факторами, характерными для всех стран, достигших постиндустриального уровня развития, так и специфическими условиями переходного периода российского социума. Для решения исследовательских задач применяются компаративистский и исторический методы, дискурс-анализ, диалектический метод осмысления социально-политических процессов.

В результате проведенного исследования делается вывод, что новые поколения российской молодежи оказались в эпицентре борьбы различных идеологических доктрин по объективным обстоятельствам. В их основе пребывает совмещение по времени демонтажа политической системы, либеральных рыночных реформ и морального общественного кризиса в период суверенизации Российской Федерации. Обосновывается необходимость модернизации идейно-политического фундамента молодежной политики государства в целях преодоления кризиса цивилизационной идентификации российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь, идеология, мировоззрение, цивилизация, постиндустриальное общество, политический процесс, политическая борьба.

THE NEW GENERATION OF RUSSIAN YOUTH AS AN OBJECT
OF INFORMATION COMPETITION OF SOCIO-POLITICAL
FORCES FOR A CIVILIZATIONAL CHOICE

VLASOVA T.E., Postgraduate student at the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: vlasovatat1978@mail.ru

RODIONOV I. M., Postgraduate student at the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: mist.rod-5@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify the features and content of the competition of political subjects for the ideological preferences of Russian youth. It is reported that the presence of permanent transformations of ideological and political attitudes of various generations and groups of young generations of post-Soviet Russia.

It is argued that the modification of the ideological principles of the youth environment is due to both universal factors characteristic of all countries that have reached the post-industrial level of development, and the specific conditions of the transition period of the Russian society.

Research methodology: comparative and historical methods, discourse analysis, dialectical method of understanding socio-political processes are used to solve research problems.

The authors draw conclusions that new generations of Russian youth found themselves in the epicenter of the struggle of various ideological doctrines due to objective circumstances. They are based on the combination of the dismantling of the political system, liberal market reforms and the moral social crisis during the period of the sovereignization of the Russian Federation. The necessity of modernization of the ideological and political foundation of the youth policy of the state in order to overcome the crisis of civilizational identification of Russian youth is substantiated.

Keywords: Youth, ideology, worldview, civilization, post-industrial society, political process, political struggle.

ВВЕДЕНИЕ

Новые генерации молодежи России становятся объектом конкуренции общественно-политических сил (внутренних и внешних), результатами которой станет устойчивость политической системы страны в среднесрочной перспективе, стабильность политического режима. Ведь, согласно существующих научных подходов в науке о молодежи, новые генерации, либо становятся ресурсным потенциалом социально-экономического и политического развития национальных государств, включая Россию, либо рисками и угрозами для этих политий. При этом, выбор молодежью РФ цивилизационных, идеологических и политических предпочтений зависит от акторов процесса социализации новых поколений, от смыслов, заложенных в доктринальных документах государственной молодежной политики, от тиражирования и масштабирования этих смыслов в СМИ и новых медиа в конкурентном информационном пространстве. Вследствие этого, актуальность исследования функционирования государственных институтов России и отечественных НКО, осуществляющих работу с молодежью имеет особый смысл в курсе оценки эффективности данной символической политики (ценности, смыслы нарративы), в гражданско-патриотическом воспитании новых генераций.

Либерализм и консерватизм: проблематика ценностного и цивилизационного выбора

Не вызывает сомнения, что новые достижения глобального информационного общества не имеют возможности использоваться в нейтральном формате, не будучи вовлечены в орбиту господствующих или конкурирующих между собой идеологических учений (в первую очередь, либерализма и консерватизма) и мировоззренческих доктрин. Показательно, что первые научные труды зарубежных авторов, раскрывающие проблематику цивилизационного выбора, имели в своей основе принципы демократии именно в США, которые предлагалось распространять в глобальном информационном пространстве [9, с.180]. Начиная с последней четверти XX столетия в ряде научных исследований утверждается мнение о недостаточной разработанности идеологического, социокультурного и исторического аспектов борьбы международных акторов за цивилизационный выбор новых генераций в национальных государствах.

Весьма обоснованной представляется точка зрения, согласно которой и в XXI веке субъекты политики продолжают идеологизировать (наполнять смыслами) свою политику, как во внешнем, так и во внутреннем измерениях. При этом, подчиняя ее содержание идейным принципам либерализма [1, с.11]. Кроме того, и носители неконсервативных ценностей стран Запада также всегда отличались использованием радикальных методов при распространении своих идеологических доктрин. В результате информационная стратегия в отношении молодежи различных стран и регионов мира со стороны политических институтов англосаксонских государств (международных и национальных НКО, фондов, СМИ) в постбиполярный период так и не избавилась от традиционного для этой группы стран внешнеполитического мессианизма.

В современный период именно доктрина так называемых «общечеловеческих ценностей» используется в рамках внешней демократизации новых независимых государств СНГ и Балтии, так или иначе реализуемой и демократической и республиканской президентскими администрациями США. При этом в рамках либеральной парадигмы политические институты и акторы стран Запада делают ставку, в том числе, и на «политику реконструкции». А именно, при опоре на экономической помощь и транслирование новых смыслов, избранная в качестве объекта страна воздействия, должна быть переориентирована на ценности либеральной демократии. И именно новые генерации молодежи, включая новые поколения РФ, становятся объектом ценностно- символического воздействия через каналы массовой культуры, СМИ, социальных сетей и электронных масс- медиа.

В XXI столетии глобальные либеральные ценности (таргетирование института семьи, культура отмены, ЛГБТ- идеалы) транслируются и ретранслируются преимущественно через концепт «мягкой силы/власти». Отметим, что теория «мягкой силы» Дж. Ная по своей природе имеет весьма близкую связь с понятием «культурно-идеологической гегемонии», принадлежащему авторству итальянского философа и политика А. Грамши. В основе этого понятия итальянский политический мыслитель усматривал цель «культурно-идеологической гегемонии», ради достижения которой политическими элитами Западной Европы активно применялась манипуляция массовыми политическими настроениями, чтобы перевести конфликтный потенциал внутренней политики в сферу идеологических и культурных дискуссий [6, с.203]. Впоследствии Д. Най аргументировал, что политическое господство достигается путем приобщения будущих сторонников и последователей к своим культурным и идеологическим ценностям, что и объясняет эффективность «мягкой власти».

В качестве либеральных ценностей и проводимой символической политики странами Запада (западная иудео-христианская цивилизация по С. Хантингтону) используются следующие конструкты. Это постиндустриальная экономика, модернизированная дипломатия и массовая культура. Развернутая модель реализации «мягкой силы», предложена экспертами Великобритании в 2010 году, включает в себя шесть элементов. Это: 1) привлекательность национальной экономики для внедрения инноваций; 2) уровень влияния культурных достижений страны в мировом сообществе; 3) привлекательность модели управления страной; 4) дипломатическое искусство в решении международных противоречий; 5) привлекательность системы высшего образования; 6) степень признания достижений академической науки за рубежом. При этом, в привлекательные понятия интегрируются либеральные ценности, которые в итоге и определяют мировоззренческие предпочтения новых поколений национальных государств, ранее не входивших в западную цивилизацию.

Отметим, что в рамках понятия «колониальной демократии», предложенного А.А. Зиновьевым, подчеркивалось, что условием победы в «холодной войне» стали средства идеологической борьбы (борьбы смыслов), транслирования либеральных ценностей в молодежную среду и результаты психологических экспериментов [4, с.374]. В данной связи интересны постулаты американского политолога

З. Бжезинского, называвшего культурное превосходство, которое транслируется и ретранслируется в конкурентном информационном пространстве, прежде всего молодежи развивающихся стран и государствам с переходными обществами (к примеру, постсоветской России), стратегическим ресурсом глобальной гегемонии США [3, с.39].

Полагаем, что во многом на основе теорий и концептов англосаксонской политической мысли формировались и подходы к продвижению цивилизационной идентичности сообщества «единой Европы». Известно, что в их основу положена концепция нормативной силы как инструмент достижения особого типа субъектности в международных отношениях. С 1990-х гг. именно этот концепт «нормативной силы» составлял теоретико-идеологическую базу панъевропейских интеграционных проектов, непосредственно затрагивающих традиционные цивилизационные и социокультурные связи России со странами ее ближнего зарубежья.

При этом, стоит отметить, что «нормативная сила», взятая на вооружение институтами и акторами стран Запада, дает возможность использовать международные нормы для продвижения либеральных ценностей, составляющих ценностно-символическую основу западной цивилизации. Приоритетной для данных акторов признается ценностное доминирование над мировоззрением и политическими предпочтениями правящей элиты, ее молодежных сегментов. Как нам представляется, именно общественно-политические лидеры и актив новых поколений способны сохранять или трансформировать национально-государственную идентичность государств, оказавшихся в цивилизационном и символическом вакууме после краха советского проекта. Речь идет не только о новых поколениях современной России, но и о новых поколениях постсоветских государств СНГ. Основными способами реализации институтами и политическими акторами стран Запада нормативной силы признаны убеждение и стимулирование.

На фоне достаточно условных успехов в продвижении идей «евразийства» и «Русского мира», а также ввиду малой популярности консервативных воззрений в молодежной среде, массовое политическое сознание оказывается подвержено воздействию транслируемых извне проектов и доктрин, постулирующих размывание весьма аморфной постсоветской цивилизационной идентичности. Например, несомненный экспансионистский вектор заложен и в идеологических платформах ряда региональных держав, укрепляющих свое влияние в ближнем зарубежье России. Так, турецкие элиты после распада СССР пытались сделать реальностью замысел создания «Большого Турана», нацеленного на центрально-азиатские государства СНГ, а также на ряд субъектов Российской Федерации.

После неудачи первой попытки интеграции всех тюркских государств и «территорий» Евразии» и созданной для этого Всемирной Ассамблеи тюркских народов, паносманиты переключили свое внимание на постсоветское пространство. В 2002 г. разрабатывается доктрина «Стратегической глубины», основанная на принципах "неоосманизма" и ставшая локомотивом продвижения влияния «мягкой силы» Турции. К 2020-м гг., по итогам внешнеполитических успехов администрации Р. Эрдогана - создание Организации тюркских государств, социокультурная экспансия в Закавказье и Центральной Азии, пантюркистские воззрения вполне

способны увлечь настроения части молодежи таких российских регионов, как Поволжье, Северный Кавказ, Крым, Южная Сибирь [2, с.28]. Другим предметом пропаганды тюркофильства неизбежно становятся молодые люди из числа выходцев из стран СНГ, обосновавшихся в Российской Федерации.

Причем эти же категории молодежи постоянно пребывают в фокусе информационно-пропагандистского воздействия транснациональных экстремистских организаций, выступающих под исламистскими лозунгами.

Российская молодежь: молодежные проблемы и государственная политика

Что касается оценки российского опыта разработки отечественной модели данного концепта, то следует признать аргументацию О.Ф. Русаковой и В.М. Русакова, согласно которой, в нашей стране еще не найден должный баланс между «мягкой» и «жесткой» вариациями политики по формированию цивилизационной идентичности граждан России и соотечественников за рубежом. Такая ситуация, на наш взгляд, остается реальностью ввиду незавершенности концептуальных представлений о цивилизационной роли постсоветской России в многополюсном мире. Среди современных отечественных политических философов и экспертов-политологов сохраняется радикальный и непреодолимый плюрализм относительно места российской политической нации в системе международных отношений и в процессах социокультурного развития планетарного масштаба.

Наряду с концептами "Русского мира" - клерикальными или светскими, в интеллектуальной среде циркулируют различные вариации евразийства; серьезную конкуренцию которым на информационном поле составляют адепты культурного и политического либерализма, в той или иной степени признающих доминирование обобщенного Запада в современном межцивилизационном диалоге. На наш взгляд, именно последние сегодня обладают весомым информационным и пропагандистским ресурсом для прямого воздействия на сознание российской молодежи. Кроме того, условные «мыслители-западники» по-прежнему сохраняют тесную связь с конкретными представителями «политического класса» и финансово-промышленными группами, так или иначе интегрированными в глобальную экономику. Выводя свои убеждения из положений философии постмодерна, сторонники идеологической конвергенции России и Запада оперируют эффективными технологиями массовой манипуляции, обладают весомой информационной поддержкой и негласным политическим покровительством.

В свою очередь, альтернативные по отношению к западным идеям доктринам идеологические учения не обладают структурной завершенностью и не предлагают развернутой программы обустройства современной России в политико-экономическом и социально-политическом форматах. Идеи ценности того же «Русского мира» или «неоевразийства», как правило, разделяются отдельными группами российской интеллигенции, в своем большинстве не затрагивая представителей «политического класса» страны и не имея широкого распространения в молодежной среде. Например, достаточно пессимистическая оценка перспек-

тив продвижения идеологии «Русского мира» приводится, в том числе, в научных работах ее приверженцев и популяризаторов [5, с.55].

В отличие от указанной доктрины концепт «евразийства» на первый взгляд имел большие шансы для своей идейно-политической индокринации и институционализации в системе политических отношений Российской Федерации: еще в начале XXI столетия пытались заявить о себе общественно-политические субъекты, декларировавшие свою приверженность к рассматриваемой идеологической концепции. Среди них отмечается и наличие молодежного движения, известное, как «Евразийский союз молодежи». При этом исследователи отмечают наличие как конкурирующих, так и консолидирующих аспектов во взаимоотношениях между концептами «Русского мира» и «евразийства». Причем признается их нацеленность прежде всего на решение задач международных отношений и продвижение интеграционных проектов на постсоветском пространстве [10, с.74]. Вследствие чего концентрация внимания рассматриваемых идейных доктрин отмечается в отношении массового сознания соотечественников за рубежом, причем, с весьма относительным практическим результатом.

Различные группы и агрегации российской молодежи лишь в малой степени вовлечены в идейно-политический контекст этих доктрин, вдохновители которых не формулируют развернутых рекомендаций по поводу решения ключевых проблем социально-политического развития Российской Федерации в области внутренней политики. Имеет смысл принять во внимание мнение, согласно которому попытки российского руководства сформулировать некий комбинированный концепт российской цивилизационной идентичности приводят скорее не к выдвиганию инновационных программ, а к реставрации консервативно-охранительных представлений об обеспечении национально-государственных интересов России [8, с.71].

Что касается структурирования идеологий левого толка, претендующих в XXI столетии на выражение оппозиционных настроений по отношению к официальному политическому курсу, то достаточно аргументированной представляется тезис, согласно которому они в большей степени фиксируют частные противоречия общественной жизни, нежели обращаются к освещению фундаментальных проблем развития постсоветской России [7, с.258]. Следует также отметить, что наличие идейно-политической и мировоззренческой конкуренции особенно актуально при формировании цивилизационной идентификации российской молодежи. Именно молодые граждане постсоветской России неизбежно оказываются перед выбором тех или иных духовно- нравственных ценностей и смысловых установок, активно ретранслируемых внешними акторами и внутренними оппозиционными группировками в условиях информационно- политической конкуренции за взгляды и предпочтения новых поколений.

В демографической сфере на протяжении последних десятилетий продолжается снижение численности молодых людей и ее места веса в структуре населения Российской Федерации, формируемой с учетом возрастного критерия. Это сопровождается сокращением численности и социальной значимости молодых семей, что приводит к убыли социально активного населения, сокращению количества экономически продуктивных работников, росту пенсионной нагрузки на них, запу-

стению стратегически значимых территорий и изменению этноконфессионального состава их населения. По нашему мнению перечисленные тенденции негативно сказываются на настроениях молодых поколений, иницируя социально-политический пессимизм и экстремистские проявления в молодежной среде, которые нередко сопровождаются попытками переориентации цивилизационной идентичности молодых граждан Российской Федерации.

В социокультурной сфере современной России наблюдается столкновение ценностей и идеалов традиционного, индустриального и постиндустриального типов общественного развития. Со стороны политических и интеллектуальных элит прослеживается их искусственное противопоставление исходя из социальной и коммерческой конъюнктуры. Отмеченное обстоятельство приводит к мировоззренческому и идейно-политическому размежеванию российской молодежи, стимулируя противоречивый и конфликтный характер усвоения молодыми людьми современных ценностей, деформацию моральных и этических норм.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют, что проблемные регионы Российской Федерации, сталкивающиеся с такими тенденциями развития молодежной среды как социальная напряженность, этноконфессиональные конфликты, политический экстремизм, то есть Дальний Восток, Северный Кавказ, Юг России, испытывают существенный дефицит внимания со стороны государственных учреждений регионального уровня, а также негосударственных гражданских институтов, способных реализовать положения молодежной политики.

Другой специфической тенденцией развития российской молодежи, следует признать формирование особых молодежных субкультур, некоторые из которых способны проявлять себя и в сфере политических отношений. Ряд исследователей прямо связывает возникновение и распространение субкультур и контркультур молодежи со становлением постиндустриального (информационного) общества. В отмеченный период отмечается умножение индивидов и групп, вытесняемых из социума и испытывающих трудности приспособлении к доминирующей системе моральных норм и социальных ценностей. Необходимо принять во внимание мнение, согласно которому формирование молодежных субкультур может трансформироваться в такую их разновидность как «контркультуры», стихийно или организовано протестующие против устоев жизнедеятельности и существования того социума, в котором они проживают.

Таким образом, отмечается появление субкультур и контркультур молодежи, некоторые так или иначе проявляют себя в сфере политических отношений, в современной России. Обобщим, что трансформация ценностных ориентаций молодых поколений постсоветской России стала возможной из-за влияния условий общего кризиса общественного сознания переходного периода. На переломе эпох произошел отказ молодых людей от идеалов социалистического коллективизма, который не сопровождался глубоким усвоением ценностных установок либеральной демократии. Для значительной части российской молодежи характерно упрощение прагматического подхода, выраженного в ориентации на материальное благополучие и престижный и высокооплачиваемый род занятий. При этом среди мо-

лодых людей распространены потребительские настроения и социальное иждивенчество, криминализация ценностных ориентиров.

Отметим, что новые поколения российской молодежи отличают не только признаки, инициированные отечественной социокультурной и общественно-политической спецификой, но и тенденциями глобального характера. Например, для поколений молодых граждан, родившихся после 2000 г. в развитых странах мира (так называемые «центениалы»), по мнению ученых, одинаково свойственны такие универсальные качества, как нацеленность на сетевую коммуникацию, космополитизм, «клиповый» характер мышления, фобии дефицита внимания к своей персоне, ориентация на получение максимального объема информации за короткий временной период [11, с.167].

Подводя итоги научной статьи, выделим следующее. Во-первых, мировоззрение и идеологические предпочтения новых поколений современной российской молодежи во многом формируются за счет влияния фактора информатизации политики и идеологической борьбы межцивилизационного масштаба. В информационной сфере отмечается распространение практики манипуляции массовым сознанием молодежи, попытки переформатирования исторического сознания («культура отмены»), использования передовых информационно-коммуникационных технологий для вытеснения общенациональных традиционных ценностей и идеалов глобальными корпоративными ценностями, как правило, либеральными, и установками деструктивного антиобщественного сознания.

Во-вторых, традиционно за молодежью признается высокий уровень не только социально-территориальной мобильности, но и готовностью к быстрой смене политических предпочтений. Для адекватного восприятия характера политической активности молодежи необходимо осознавать, что смена поколений в идейно-политическом плане в два раза опережает замещение поколений в их социобиологическом понимании. Будучи лабильной социально-демографической группой, молодежь обладает возможностью участия более чем в одном поколении политического процесса. Что и порождает новые поколения молодежной общественно-политической субъектности.

В-третьих, молодежные группы, обладая активистским потенциалом, оказывают интенсивное влияние на политический процесс. Молодые люди способны быстро адаптироваться и интегрироваться в новые общественные процессы во многом благодаря доступу к достижениям «информационного общества», затронувших практически все сферы жизнедеятельности российского социума. Отметим, что общество и институты политической системы (государство, парламентские и непарламентские политические партии, НКО, церковь, СМИ) также сохраняют возможность влиять на развитие молодежи и на ее участие в социально-политических процессах. От того, насколько в рамках государственной молодежной политике РФ удастся сформировать организационные, экономические, правовые и идеологические предпосылки эффективной политической социализации молодых граждан, зависит устойчивость политической системы, стабильность политического режима, преемственность поколений в русле традиционных ценностей и выбора цивилизационной идентичности.

Библиография/References:

1. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. – М.: Европа, 2007. – 168 с.
2. Аминов Э.Р. Специфика сетевого взаимодействия сторонников радикального пантуркизма // Причерноморье. История, политика, культура. – 2020. – № 29. – С. 28-36.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. – 254 с.
4. Зиновьев А.А. Запад. – М.: Центрполиграф, 2000. – 507 с.
5. Козырев Г.И. Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2019. – № 3 (17). – С. 55-64.
6. Липсет С. Политическая социология // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. – М.: Прогресс, 1965. – С. 203–219.
7. Нугаев М.А., Нугаев Р.М. Левые идеологии в современной России: проблемы становления // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 4. – С. 252-258.
8. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1. – С.61-71.
9. Тормошева Е.С. Международно-политическая коммуникация сквозь призму парадигмальной модели Т. Куна // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2019. – № 1(21). – С. 171-181.
10. Флаот Н.С. Проблема соотношения концепций евразийства и русского мира во внешней политике России на современном этапе // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. – 2020. – № 10. – С. 74-78.
11. Шалыгина Н.В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодёжи // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 164-167.

1. Amin, S. (2007) Virus liberalizma: permanentnaia voina i amerikanizatsiia mira [The virus of liberalism: permanent war and the americanization of the world]. – М.: Европа. – 168 p. (In Russ.)
2. Aminov, E.R. (2020) Spetsifika setevogo vzaimodeistviia storonnikov radikal'nogo pantiurkizma [The specifics of the network interaction of supporters of radical pan-Turkism] // Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura [Black Sea region. History, politics, culture]. – № 29. – P. 28-36. (In Russ.)
3. Bzhezinskii, Z. (1998) Velikaia shakhmatnaia doska [The Great Chessboard]. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniia. – 254 p. (In Russ.)
4. Zinov'ev, A.A. (2000) Zapad [West]. – М.: Tsentropoligraf. – 507 p. (In Russ.)
5. Kozыrev, G.I. (2019) Sub"ektnost' russkoi intelligentsii v zashchite russkogo mira [Subjectivity of the Russian intelligentsia in the defense of the Russian world] // Vestnik

RGGU. Seriya: Filosofii. Sotsiologii. Iskusstvovedenie [Vestnik RGGU. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism]. – № 3 (17). – P. 55-64. (In Russ.)

6. Lipset, S. (1965) Politicheskai sotsiologii [Political sociology] // Sotsiologii segodnia. Problemy i perspektivy [Sociology today. Problems and Prospects]. – M.: Progress. – P. 203–219. (In Russ.)

7. Nugaev, M.A., Nugaev, R.M. (2014) Levye ideologii v sovremennoi Rossii: problemy stanovleniia [Left ideologies in modern Russia: problems of formation] // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [The Review of Economy, the Law and Sociology]. – № 4. – P. 252-258. (In Russ.)

8. Rusakova, O.F., Rusakov, V.M. (2017) «Miagkaia sila» kak instrument politicheskoi kommunikatsii i gumanitarnoi diplomatii ["Soft power" as an instrument of political communication and humanitarian diplomacy] // Diskurs-Pi [Discourse-Pi]. – № 1. – P. 61-71. (In Russ.)

9. Tormosheva, E.S. (2019) Mezhdunarodno-politicheskai kommunikatsiia skvoz' prizmu paradigmal'noi modeli T. Kuna [International political communication through the prism of T. Kuhn's paradigmatic model] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki [Gerald of Omsk University. Series "Historical studies"]. – № 1(21). – P.171-181. (In Russ.)

10. Flaot, N.S. (2020) Problema sootnosheniia kontseptsii evraziistva i russkogo mira vo vneshnei politike Rossii na sovremennom etape [The problem of the relationship between the concepts of Eurasianism and the Russian world in Russian foreign policy at the present stage] // Evraziistvo: teoreticheskii potentsial i prakticheskie prilozheniia [Eurasianism: theoretical potential and practical applications]. – № 10. – P. 74-78. (In Russ.)

11. Shalygina, N.V. (2017) Igreki i tsentenialy: novaia mental'nost' rossiiskoi molodezhi [Millennials and centennials: the new mentality of the Russian youth] // Vlast' [The Power]. – T. 25. – № 1. – P. 164-167. (In Russ.)